

В.И. ЕРЕМЕНКО (Москва)

Об определении Конституционного Суда РФ относительно защиты имен известных лиц

В настоящей статье дается анализ определения Конституционного Суда Российской Федерации, а также решений и постановлений Суда по интеллектуальным правам относительно использования имен известных в России лиц в составе товарных знаков. Сделаны предложения по совершенствованию статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Vladimir Eremenko, J.S.D., Head of Legal Department of the Eurasian Patent

ON THE DECISION OF THE RUSSIAN FEDERATION'S CONSTITUTIONAL COURT REGARDING THE PROTECTION OF THE NAMES OF FAMOUS PERSONS

In this article provides an analysis of the Decision of the Russian Federation's Constitutional Court as well as the Decisions and Judgments of the Intellectual Property Rights Court regarding the use of the names of famous persons in Russia as part of trademarks. The proposals to improve the article 1483 of the Russian Federation's Civil Code are made.

Код номенклатуры научных специальностей ВАК 12.00.03

Ключевые слова: Конституционный Суд, Суд по интеллектуальным правам, определение, решение, постановление, товарный знак, имена известных лиц

Key words: Constitutional Court, Intellectual Property Rights Court, Decision, Judgment, trademark, names of famous persons

Известны случаи, когда применение положений подпункта 2 пункта 9 статьи 1483 ГК РФ («Основания для отказа в государственной регистрации товарного знака») в части, касающейся защиты имен известных в России лиц, оказалось для российских судов достаточно сложным и противоречивым. В качестве примера можно привести дело № СИП-734/2014, в отношении которого Конституционным Судом Российской Федерации (далее также КС РФ) вынесено определение от 28 января 2016 г. № 123-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чкаловой Ольги Валерьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 статьи 7 Закона Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» и пунктом 9 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ (далее – Определение КС РФ).

¹ http://doc.ksrf.ru/decision/KSRF_Ddecision...223468.pdf

Еременко Владимир Иванович, доктор юридических наук, начальник Отдела права Евразийского патентного ведомства.

1. Суд по интеллектуальным правам в своем решении от 25 декабря 2014 г. по делу № СИП-734/2014² установил, что Чкалова О.В., Алексеева Е.Р. (дочка и внучка Чкалова В.П.), Мемориально – благотворительный фонд имени В.П. Чкалова «Международный Чкаловский фонд» (далее – Фонд) обратились с заявлением о признании недействительным решения Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) от 28 апреля 2014г. об отказе в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны словесному товарному знаку «ЧКАЛОВСКИЙ» по свидетельству Российской Федерации № 352414 на имя Общества с ограниченной ответственностью «ФАУНД» (далее – Общество «ФАУНД») в отношении услуг 35, 36, 39–41-го и 43-го классов МКТУ, которое было привлечено к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований.

² http://kad.arbitr.ru/Pdf/Document/a50d63ad-f1c5-4e83-8f2d-ec858074eb47/SIP-734_2014_20141225_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf

Заявители указали на то, что они являются наследниками советского летчика-испытателя Чкалова В.И. (т.е. должны быть признаны на этом основании заинтересованными лицами), учредителями и участниками Фонда, деятельность которого осуществляется, в частности, с целью защиты имени В.П. Чкалова.

По мнению заявителей, включение в оспариваемый товарный знак слова «ЧКАЛОВСКИЙ», воспроизводящего фамилию великого русского летчика Чкалова В.П., осуществлено исключительно с целью использовать репутацию этого лица для получения правообладателем необоснованных преимуществ перед другими субъектами хозяйственной деятельности в области оказания услуг, в то время как правообладатель никак не связан ни с наследниками Чкалова В.П., ни с Фондом, и не имеет разрешения на использование его имени, что вызывает ложные ассоциативные представления о компании, которая оказывает эти услуги, и вводит потребителей в заблуждение относительно лица, непосредственно их оказывающего.

Роспатент при принятии оспариваемого решения исходил из того понимания, что представленные в материалы административного дела свидетельства о рождении, из которого усматривается, что отцом Чкаловой О.В. является Чкалов В.П., а также документы, касающиеся льгот, предоставленных членам семьи Чкалова В.П. после его смерти, не могут свидетельствовать о наличии статуса наследника у заявителя в смысле п. 3 ст. 7 Закона о товарных знаках, действовавшего в период регистрации спорного товарного знака, поскольку при применении указанной нормы закона необходимо установить не наличие родственных связей заявителя, а обладание заявителем статуса наследника в том понимании, как оно дано в гражданском законодательстве РФ.

Указанный подход основан на постановлении президиума Суда по интеллектуальным правам от 03.12.2013 по делу № СИП-46/2013, в котором отмечено, что понятие наследника является легально определенной юридической категорией, содержание которой установлено гражданским законодательством, в связи с чем ее подмена понятием родственника либо лица, имеющего родственные связи, не имеет правовых оснований.

Также отмечено, что в соответствии с нормами гражданского законодательства, действовавшими на дату смерти наследодателя и дату подачи возражений, наследником может быть лицо, у которого имеется свидетельство о праве на наследство, либо решение суда о признании О.В. Чкаловой и Е.Р. Алексеевой наследниками В.П. Чкалова.

Что касается Фонда, то Роспатент, по мнению Суда по интеллектуальным правам, пришел к обоснованному выводу о том, что Фонд не может являться заинтересованным в подаче возражения, поскольку к наследованию могут призываться только те юридические лица, которые существовали на день открытия наследства (день смерти гражданина) и только по завещанию.

На основании вышеизложенного, Суд по интеллектуальным правам пришел к выводу о том, что Роспатент правомерно отказал в удовлетворении возражения заявителей против предоставления правовой охраны оспариваемому товарному знаку (решение от 25 декабря 2014 г.).

Не согласившись с упомянутым выше судебным решением, заявители (Чкалова О.В., Алексеева Е.Р. и Фонд) обратились в президиум Суда по интеллектуальным правам с кассационными жалобами, в которых ходатайствовали об отмене судебного акта и направлении дела (СИП-734/2014) на новое рассмотрение.

В постановлении президиума Суда по интеллектуальным правам от 24 апреля 2015 г. по делу № СИП-734/2014³ указано, что заинтересованность заявителей (Чкалова О.В. и Фонд) в оспаривании регистрации спорного товарного знака «была мотивирована неимущественным интересом физического лица, настаивающего на своем статусе наследника известного лица, а также имущественным интересом фонда, посредством которого потомки Чкалова В.П. реализуют свои имущественные интересы. Кроме того, фонд обосновывал свой интерес в оспаривании спорного товарного знака третьего лица, ссылаясь на подачу заявок на регистрацию на имя фонда товарных знаков, содержащих аналогичные словесные обозначения».

³ http://kad.arbitr.ru/Pdf/Document/25ec8500-93bd-41b3-bad5-564944aObasa/SIP-734-2014_20150424_Reshenija%20i%2020 postanovlenija.pdf

По мнению президиума Суда по интеллектуальным правам «Роспатент и суд, придя к выводу о недоказанности заявителями принадлежности Чкаловой имущественных и личных неимущественных прав, связанных с наследованием имущества Чкалова В.П., правомерно указали, что отсутствие заинтересованности является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении соответствующих требований. При этом Роспатент и суд также правомерно указали, что подача фондом заявок на регистрацию товарных знаков не восполняет недостаток в обоснованности заявленных требований в части заинтересованности».

Президиум Суда по интеллектуальным правам также отметил, что суд первой инстанции правомерно отклонил требования Алексеевой Е.Р., не рассматривая их по существу, поскольку указанный заявитель не обращался в Роспатент за оспариванием регистрации товарного знака Общества «ФАУНД», хотя Алексеева Е.Р. не лишена возможности самостоятельно оспорить регистрацию указанного товарного знака в порядке, установленном законом, а именно в административном порядке, обусловленном п. 2 ст. 1513 ГК РФ.

В соответствии с указанным пунктом выражения против предоставления правовой охраны товарному знаку по основаниям, предусмотренным, в том числе п.п. 1–5, 8 и 9 ст. 1483 Кодекса, могут быть поданы заинтересованным лицом. Иными словами, для реализации своего права на подачу возражения Алексеева Е.Р. должна доказать в Роспатенте свою заинтересованность в аннулировании регистрации спорного товарного знака, представив документ, однозначно подтверждающий статус наследника В.П. Чкалова.

Аналогичный вывод сделал президиум Суда по интеллектуальным правам в отношении другой родственницы В.П. Чкалова: «Для подтверждения заинтересованности Чкаловой О.В. в оспаривании предоставления правовой охраны товарному знаку, мотивированной ее статусом наследника Чкалова В.П., ей надлежало при обращении в палату по патентным спорам документально подтвердить свой статус, представив либо свидетельство о праве на наследство, либо решение суда, которым установлен факт принятия наследства».

На основании вышеизложенного президиум Суда по интеллектуальным правам пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения кассационных жалоб заявителей (Чкаловой О.В., Алексеевой Е.Р. и Фонда).

В своей жалобе в Конституционный Суд РФ О.В. Чкалова просила признать противоречащими ст. 23 и 46 (часть 1) Конституции РФ п. 3 ст. 7 ранее действовавшего Закона о товарных знаках и п. 9 ст. 1483 ГК РФ, поскольку, по мнению заявительницы, обжалуемые законоположения о праве наследников на предоставление разрешений на регистрацию товарных знаков фактически являются основанием для умаления чести и достоинства граждан, а также их прав на судебную защиту, так как ставят возможность такой защиты прав умершего лица в зависимость от наличия у его родственников статуса наследника, а также не позволяют защищать имя и деловую репутацию такого лица наследникам, не являющимся его родственниками.

Комментируя содержание подп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ, Конституционный Суд РФ признал, что в части требования о получении согласия наследника известного лица на использование, в частности, обозначения, производного от фамилии такого лица, для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей обжалуемые законоположения направлены на защиту имущественных прав такого наследника, к которому в силу части третьей ст. 1112 «Наследство» ГК Российской Федерации личные неимущественные права и другие нематериальные блага наследодателя не переходят.

Конституционный Суд РФ также отметил, что суд кассационной инстанции (т.е. президиум Суда по интеллектуальным правам) согласился с выводом Роспатента о наличии веских оснований предполагать, что ассоциативные представления потребителей услуг, оказываемых правообладателем – Обществом «ФАУНД», связаны не с осуществлением наследниками В.П. Чкалова хозяйственной деятельности, а с адресным расположением в городе Перми (на пересечении улиц Героев Хасана и Чкалова) первого магазина данной торговой сети. При этом суд кассационной инстанции подчеркнул, что Роспатент принял во внимание историю развития данной торговой сети, длительный характер ее присутствия

на рынке (более 12 лет), степень информированности потребителей, отсутствие в действиях правообладателя дискредитации имени В.П. Чкалова.

Каких-либо иных разъяснений, в том числе в отношении позиций Суда по интеллектуальным правам, сформулированных им в упомянутых выше решении и постановлении, со стороны Конституционного Суда РФ не последовало.

Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы заявительницы, Конституционный Суд РФ сформулировал довольно пространственный вывод, который, вследствие затронутых в нем конвенционных норм, целесообразно процитировать полностью: «При этом оспариваемые нормы в системной взаимосвязи с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающими в качестве основных начал гражданского законодательства принцип добросовестности участников гражданских правоотношений и недопустимость извлечения кем-либо преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункты 3 и 4 статьи 1), закрепляющими пределы осуществления гражданских прав (статья 10) – и, в частности, пределы использования имени физического лица или его псевдонима другими лицами в их творческой деятельности, предпринимательской или иной экономической деятельности (пункт 4 статьи 19), а также предусматривающими способы, порядок и условия восстановления самим гражданином, а в случае его смерти – другими лицами (в том числе не являющимися наследниками этого гражданина) нематериальных благ, затронутых при таком использовании, и в том числе применительно к охране частной жизни умершего гражданина – его детьми, родителями и пережившим супругом (пункт 5 статьи 19, статьи 150 и 152.2), а также с подпунктом 2 пункта 3 статьи 1483 ГК Российской Федерации, которым установлен запрет государственной регистрации в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали, – направлены на реализацию положений статей 8, 15 (часть 4), 17 (часть 3), 21 (часть 1), 34, 35, 44 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с пунктами 1 и 3 части «В»

статьи 6. *quinquies*, статьей 10. *bis* Парижской конвенции по охране промышленной собственности (заключена 20 марта 1883 года и ратифицирована СССР 19 сентября 1968 года) и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявительницы в указанном ею аспекте».

Помимо крайней громоздкости приведенной цитаты, в ней привлекает внимание ссылка на Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (далее – Парижская конвенция), которая якобы была ратифицирована СССР 19 сентября 1968 года.

Следует особо отметить, что это одна из самых распространенных ошибок в отношении даты начала действия Парижской конвенции в нашей стране, которая кочует из публикации в публикацию, и вот теперь проникла даже в Определение КС РФ.

Дело в том, что в свое время Российская империя не подписала (были на то причины) Парижскую конвенцию, поэтому к ней можно было только присоединиться, что и сделал СССР в соответствии с постановлением Совмина СССР от 8 марта 1965 г. № 148 (вступление в силу документа о присоединении – с 1 июля 1965 г.)⁴.

А в 1968 г. Президиум Верховного Совета издал указ от 19 сентября 1968 г. № 3410-VII «О ратификации Стокгольмского акта Парижской конвенции по охране промышленной собственности и Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности».⁵

Иными словами, в 1965 г. Советский Союз присоединился к Парижской конвенции 1883 г. в ее Лиссабонской редакции, а в 1968 г. произошла ратификация ее последней Стокгольмской редакции, а также Конвенции, учреждающей ВОИС 1967 года.

(продолжение следует)

⁴ СП СССР, 1965, № 4, Ст. 23.

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР, 1968, № 40, Ст. 362.